

Гарри мягко проснулся впервые за столько времени, что уже и не помнил. Солнце пробивалось сквозь занавески, украшавшие его окно, и бросало лучи света на его лицо. Он поднялся, чувствуя себя лучше, чем за последние несколько недель... да что там, даже за несколько месяцев. Теперь у него была цель в жизни и план. Правда, план охватывал только начало обучения, но по сравнению с беспомощным, бесцельным чувством, которое наполняло его всего лишь день назад, Гарри чувствовал себя новым человеком.

Прервав монотонную рутину дня, проведенного в постели, Гарри спустился вниз, чтобы позавтракать. Зайдя на кухню, он обнаружил, что его родственники уже работают над завтраком. Его тетя стояла у плиты и готовила яичницу. Заметив присутствие Гарри, она уронила сковороду, которую держала в руках. К счастью, в этот момент она находилась всего в паре дюймов от плиты, и лишь немного яиц успело вылететь из сковороды. Лицо дяди было скрыто за утренней газетой. Услышав звук падения сковороды, он поднял голову и увидел своего племянника. Они оба выглядели потрясенными, увидев его, как будто совсем забыли, что он вообще живет здесь в данный момент. Его кузена, Дадли, нигде нельзя было увидеть. Он невесело усмехнулся про себя, поняв, что они, вероятно, забыли о его присутствии. Он едва обратил внимание на Дурслей, когда угощался яичницей и тостами.

Гарри с аппетитом съел завтрак и поставил тарелку в раковину, после чего направился наверх, в свою спальню. Несмотря на то что его настроение изменилось, он все еще был далеко не весел и не хотел проводить в обществе Дурслей больше времени, чем это было необходимо. Гарри по-прежнему мучило чувство вины и ненависти к себе за события в Министерстве магии, но вновь обретенное ощущение цели в жизни в сочетании с волнением от перспективы снова увидеть Сириуса давали ему возможность сосредоточиться на чем-то другом, делая боль гораздо более терпимой. Он больше не чувствовал себя полностью оцепеневшим.

Когда Гарри вернулся в свою комнату, он заметил пару писем, которые, как он смутно помнил, получил в пустоте последних дней своей жизни. В то время он был слишком занят, чтобы обращать на них внимание, но теперь, когда Гарри лучше контролировал свои умственные способности, он решил, что должен их прочесть. Он взял в руки первое и сразу узнал неаккуратные каракули Рона.

Привет, приятель,

Как ты, Гарри? Эти маглы не плохо к тебе относятся, правда? Если Грюм не может их напугать, то вряд ли что-то сможет. Мама уже говорит с Дамблдором, чтобы он забрал тебя оттуда, но он настаивает, что ты должен остаться еще на некоторое время. Я никогда не понимал, почему ты должен постоянно возвращаться.

Джинни уламывала меня разрешить Пигу принести тебе письмо вместе с моим, но я сказал ей, чтобы она отвалила ненадолго, так как знаю, что ты не будешь в настроении сразу же с кем-то разговаривать. Я уже получил сову от Гермионы, и она прямо-таки переживает за тебя. Я сказал ей, чтобы она на время от тебя отстала, так как знаю, какой настойчивой она может быть, когда хочет, чтобы ты о чем-то поговорил. Уверен, скоро представится возможность отблагодарить меня, избавив от одной из ее обычных тирад. Психическая.

Я буду продолжать уламывать маму, чтобы Дамблдор выпустил тебя оттуда. Не позволяй маглам опускать тебя.

Рон

Гарри разочарованно покачал головой, скомкав письмо Рона и выбросив его в мусорную корзину. Он ненавидел, когда люди ходили вокруг него как в скорлупе, как будто он был хрупким и неспособным позаботиться о себе. А уж откровенно указывать на это так, как это делал Рон... это было просто нелепо. Он решил написать письмо Джинни, чтобы поблагодарить ее за то, что она думает о нем, прежде чем писать Рону. Может быть, тогда Рон поймёт, что ему не нужен ещё один надсмотрщик. Но я бы не стал на это рассчитывать». подумал Гарри. 'Толстый, вот это да'. Будь он в лучшем настроении, то, возможно, посмеялся бы над собственной шуткой; вместо этого он взял следующее письмо и обнаружил, что пергамент покрыт аккуратным почерком Гермионы.

Дорогой Гарри,

Как ты? И не смей даже думать о том, чтобы написать в ответ: «Я в порядке». Ты регулярно ешь и нормально спишь? Ты же знаешь, что миссис Уизли поднимет на тебя шум, если ты вернешься с таким видом, будто неделями не ел нормальной еды.

Я могу только представить, как ужасно ты себя чувствуешь после всего, что произошло. Я знаю, что тебе не очень хочется говорить об этом, но, пожалуйста, не отгораживайся от меня и не отталкивай, как ты обычно делаешь. Я просто беспокоюсь о тебе и хочу помочь. И разговор об этом может помочь.

Я держусь, но думаю, мои родители могут понять, что что-то не так. Все эти годы я приукрашивал для них ситуацию (ужасная вещь для пары дантистов), потому что боялся, что они заберут меня из Хогвартса, если узнают правду о том, что происходит в нашем мире, и о том, какой опасности мы подвергаемся. Боюсь, пришло время признаться. Надеюсь, они не слишком расстроятся из-за меня.

Пожалуйста, напиши мне поскорее, Гарри. Я очень хочу услышать тебя.

С любовью, от

Гермиона

Типичное письмо Гермионы, всегда пытающейся заставить людей говорить о своих чувствах. На самом деле он не возражал против этого так сильно, как обычно. По крайней мере, она не ходила вокруг него на цыпочках и не пыталась оградить и опекать его. Конечно, если бы Гарри прочитал письмо накануне, он, скорее всего, нахмурился бы и отбросил его в сторону, но сейчас бегство от боли не казалось таким уж важным. Он должен был смириться с ней и пережить ее, если собирался хоть как-то помочь в этой войне.

Что действительно удивило Гарри в письме, так это признание Гермионы в том, что она солгала своим родителям. Может быть, мы с Роном повлияли на нее больше, чем мы думали, - размышлял Гарри. Она была королевой правил и следования им до мелочей. Должно быть, она очень боялась, что ее заберут из Хогвартса, раз соврала об этом родителям».

<http://tl.rulate.ru/book/119109/4816393>